

«КИТАЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ» ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ

Ольга Седакова. Избранное. Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.

Робер Фрост вывел поучительную формулу: «Поэзия — это то, что теряется при переводе». Восемнадцать стихов Ольги Седаковой, составляющие особый, отдельный цикл в книге «Избранное», посвящены Китаю, но это не переводы, а ощущение близости иной культуры, на первый взгляд бесконечно далекой от нашей культуры и при этом поэтически во многом ей близкой, что и пытается доказать поэтесса. Разберемся по порядку. Циклу предшествует эпиграф из Лао-цзы: «Если притупить его проницательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим». Это больше чем эпиграф, это сам подход к Китаю, «метод» работы. Первая встреча — напоминание о России: *И меня удивило, / как спокойны воды, / как знакомо небо, / как медленно плывет джонка в каменных берегах. / Родина! Вскрикнуло сердце при виде ивы: / такие ивы в Китае...*

В центре небольшого стиха — дерево, и деревья будут и дальше сопровождать лирическую героиню. Уже через стихотворение зазвучит еще сильнее: *Падая, не падают, / окунаются в воду и не мокнули длинные рукава деревьев.* В конце же, как итог: *Деревья, слово «люблю» только вам подходит.* И опять через стих: *Знаете ли вы, / карликовые сосны, плакучие ивы?* А в середине стиха: *простого восхищенья ничто не остановит...* Но в том-то и дело, что дерево, луна, путник становятся проводниками в мир китайской культуры, напоминают нам если не об увиденном, то о картинах, лаковой живописи этой страны. Они сразу же окунают читателя в мир, актуальный и для русского сердца, мир очень непростой. *...Обломанная ветка прирастет да не под этим небом; ...ибо только нежность глубока, / только глубина обладает нежностью...; знающие, откуда приходят звучание и свечение, — неужели мы расстанемся, как простые невежды?; ...просыпайся, / погляди на меня, друг мой вдохновенный, посмотри, как ночь сверкает...*

Цикл стихов, мысль, высказываемая вначале сдержанно, таинственно, развивается далее по крещендо, но вскоре буквально каждый стих становится знаковым. И в самом конце цикла прозвучит: *Похвалим веток бесценных, темных купанье в живом стекле / и духов всех, бессонных над каждым зерном в земле. / И то, что есть награда, есть преграда для зла, / что как садовник у сада, — у земли хвала.* Перед этим неожиданный повтор про лестницу, кинутую с неба, про крошку сухого хлеба, величину с око ласточки, то, что звучало в четвертом стихе. Что же в середине цикла? Там великие смыслы, навеванные китайским пейзажем, а может быть, еще чем? Может, ты перстень духа (человек простой)? *Велик рисовальщик, не знающий долга / кроме долга играющей кисти... он проникает в само бессмертье — / и бессмертье играет с ним; Ты знаешь, я так тебя люблю, что если час придет...; Пора идти туда, где все из сострадания.* Поэтическое слово должно удивлять, и оно удивляет.

Мария Галина писала, что когда анализируют стихи, то или хотят показать, что есть достойные книги; или хотят проанализировать текущий литературный процесс, или хотят на этот процесс повлиять. Себя же М. Галина считает четвертым типом критика — критиком-аутистом, для которого важнее понять, что именно понравилось и почему и как бы перечитать стихи еще раз (Новый мир, 2018, № 7. С. 228). Мы написали эту цитату, поскольку она отвечает и нашей идее чтения. Мы ратуем также за чтение, помимо всего прочего, свободное от знания условий возникновения стихов, за чтение, свободное от репутации автора, от его наград, чтение, отвечающее на вопрос: что текст дает читателю, что?

Вернемся к сборнику. «Китайское путешествие» — это и цикл, и вместе с тем каждое стихотворение выступает как самостоятельное, полноценное звено. Мудр и вечен Восток! В первом стихе в самом конце — про щедрость, причем неожиданно: *Только наша щедрость / встретит нас за гробом*. В четвертом, начинающемся со слов: *Там, на горе, / у которой в коленях последняя хижина*, появляется таинственный «кто-то»: *кто-то бывает и не бывает, / есть и не есть*. В пятом — напоминание о смерти, но без ее обозначения: *...все мы сегодня здесь, а завтра — кто скажет?*, и далее: *...одни только духи безупречны, / скромны, бесстрашны и милосердны — / простого восхищенья ничто не остановит...*

Читаем далее. Идет стих о путнике в белой одежде, стих о лодке, летящей по нижней влажной лазури, стих о том, как двое прохожих низко / кланяются друг другу на понтонном мосту. И вот оно, девятое (половина цикла!) стихотворение, оно о несчастных, но не о тех, кого мы привыкли считать таковыми. Кто беседует с гостем и думает о завтрашнем деле (знакомое чувство?), кто делает дело и думает, что он его делает (сказано еще острее!), кто берет аккорд и думает, каким будет второй. А еще несчастней, кто не прощает... Он безумный, не знает, / как аист ручной из кустов выступает, / как шар золотой / сам собой взлетает / в милое небо над милой землей.

Далее читаем: *Велик рисовальщик, не знающий долга, / кроме долга играющей кисти... он проникает в само бессмертье — / и бессмертье играет с ним*. Потом про нежность и глубину, как они сходны, слитны; про простого человека (*Может, ты перстень духа...*), и в тринадцатом стихе опять про смертность (*Неужели и мы, как все, как все / расстанемся*) — мысль, что на протяжении цикла впервые повторяется в начале и в конце стиха, а в середине упомянут какой-то пьяный Ли Бо. Смертность — это как раз то, ради чего пишутся стихи: надо оставить о себе память, заявить о себе, так считается. Но все равно есть этот страх смерти, и никуда от него не денешься.

Флейте отвечает флейта, и слово слову отвечает. *Просыпайся, / погляди на меня, друг мой вдохновенный, / посмотри, как ночь сверкает...* А в следующем стихе: *перебредая воду, перебредая разлуку...* И вот последние стихи цикла: *Ты знаешь, я так тебя люблю... что не отличу даже бабочки сухой / несчастный стук в стекло* (шестнадцатое). *Когда мы решаемся ступить, / не зная, что нас ждет, / на вдохновенья пустой корабль, / на плохо связанный плот...* А завершается это, семнадцатое стихотворение так: *как я хочу прощенья просить и ноги целовать*. И, наконец, восемнадцатое: *Похвалим нашу землю... А в конце (повторим): И то, что есть награда, / что есть преграда для зла, / что, как садовник у сада, — у земли хвала*.

Китайские реалии дали поэтессе возможность высказать оригинальные мысли. Скажем и так: мысли, не свойственные по большому счету современному русскому разуму. Близки они — да, однако до этого сборника не высказывались. Поэтому в конце цикла Китай куда-то отходит, на острие поэтической мысли сверкает, зиждется новое слово, слово Ольги Седаковой. Мераб Мамардашвили писал: «...ум — это некое полное и абсолютное уважение к тому, что ты видишь. Полное и абсолютное уважение, не оставляющее никакого места для вольных интерпретаций». Китай помог поэтессе взглянуть на соотечественника с новой стороны, расставить иерархические точки по-иному, призвать и признать иные концепты: прощение, нежность, смертность и бессмертие, благодарность земле.

Вера ХАРЧЕНКО